

1

— ЛУНА! ЛУНА! — мощный вопль разнесся по всей округе и достиг каждого уголка, даже самого укромного. — Куда подевалась эта несносная девчонка?!

Из распахнутого окна, уперев руки в бока, во весь голос кричала тучная, изрядно покрасневшая от натуги женщина с высоким пучком, в котором поблескивали седые пряди. От гнева ее очки съехали на нос и были готовы упасть на пол. Женщина раздраженным движением вернула их на место и снова закричала:

— Луна! Немедленно сюда! — Лицо из красного уже стало бордовым, казалось, ее вот-вот хватит удар. — Ну погоди, найду я тебя, мало не покажется! — с угрозой закончила она, с грохотом захлопнула окно и стремительным шагом вышла из комнаты.

Навстречу ей по длинному коридору, устланному облезлой ковровой дорожкой, со всех ног бежала молоденькая девушка в заношенном черном платье и сером переднике.

— Тетушка Мари, что случилось, зачем вы так кричите?

— Анита, ты как нельзя вовремя, ты-то мне и нужна! — едва переведя дух, вновь завопила тетушка. — Быстро говори! Где эта негодяйка? Ты как старшая сестра должна отвечать за нее. Ну? — она зло сощурила глаза. — Куда она спряталась?

— Но что случилось? Не волнуйтесь вы так! Прошу вас, успокойтесь. На вас лица нет!

— Что случилось?? — вскричала тетушка, и ее яростный взгляд уперся прямо в синие и абсолютно безмятежные глаза девушки. — Нет, вы только посмотрите на нее!

Женщину вновь стал душить гнев. От злости она никак не могла выговорить рвавшиеся наружу оскорбительные слова и только свирепо топталась вокруг девушки, театрально заламывая руки. Кое-как отдышавшись, тетушка завопила еще громче:

— Да твоя ни на что не годная сестра не будила Стефана, чтобы подать ему завтрак. Из-за нее он побежал на занятия голодным. Ты же знаешь, что в школе наказывают за опоздания.

«Всего-то?» — чуть не сказала Анита, но, посмотрев на злое лицо тети, вовремя прикусила язык.

Всплеснув руками, она произнесла:

— Но, тетя Мари!.. Ведь Стефан мог бы и сам...

Мари досадливым жестом остановила ее на полуслове.

— Мой бедный мальчик, совсем голодный, как он теперь там?! — запричитала она. — За что мне все это? Кто навязал на мою голову этих бестолковых девчонок? От них нет никакой пользы... Сплошное наказание... Одна у меня отдушина, мой драгоценный сыночек. Как же он сейчас страдает! Сидит голодный... Как прикажете ему учиться, когда все мысли только о еде, а не о знаниях? Он может получить плохую оценку! И все из-за вас. Вы хоть понимаете, что наделали?

Анита досадливо поморщилась и примирительно сказала:

— Тетушка, не переживайте вы так! Сейчас я сделаю бутерброды и сбегаю в школу. Там на входе всегда есть дежурный воспитатель. Я попрошу его передать посылочку Стефану, на перемене он позавтракает.

Тетя с шумом выдохнула и строго произнесла, не забыв нравоучительно поднять указательный палец:

— Конечно ты это сделаешь, и немедленно! А затем найдешь эту дрянную девчонку, которую сегодня ждет наказание. Вас обеих ждет наказание. Чтобы впредь были благодарны тем, кто вас кормит, одевает, обувает и предоставляет кров.

Последнюю фразу она произнесла нарочито многозначительным тоном, выделяя каждое слово.

— Я сожалею, — прошептала Анита и приняла самый что ни на есть смиренный вид.

— Сожалеет она. Что толку от твоего сожаления? Сожалением сыт не будешь. Мой бедный мальчик...

Ни на секунду не поверив в мастерски сыгранное раскаяние, тетушка совершенно утратила душевное равновесие, но сил продолжать перепалку больше не было. Да и смысл? Когда ругаться не с кем, никакого удовольствия от процесса. Сердито заправив растрепавшиеся пряди в прическу, тетушка вернулась назад в комнату, не забыв при этом громко хлопнуть дверью. Стены задрожали, и на пол коридора упал увесистый кусок штукатурки, обдав пылью покорно склонившую голову Аниту. Грохот сопровождался визгливой бранью. Тетушка начала изливать свое недовольство на дядюшку Руперта, не успевшего вовремя скрыться из комнаты. Хотя дядюшка и сам любил пошуметь, дай только повод,

а уж поругать двух нерасторопных, неумелых и ни к чему не приученных, по его мнению, сирот — тем более.

Анита со вздохом наклонилась, подобрала кусок штукатурки и тихонько пошла на кухню.

«Сколько злости, — печально думала она. — Проступок-то, по сути, ничтожный. Из этого во все не обязательно было устраивать такую трагедию. А ведь у девочки сегодня день рождения. И никто даже не вспомнил. За все тринадцать лет у Луны ни разу не было настоящего дня рождения. С хлопушками, конфетти, гостями в веселых колпачках, конкурсами, угощениями, подарками и огромным тортом со свечами... А сегодня так вообще вместо всего этого — целый ушат брани...»

Волею судьбы с самого рождения Луны девочки жили в этом доме. Дел у обеих было невпроворот. Тетушка экономила на прислуге, предпочитая все домашние обязанности свалить на двух сирот.

«Они тут живут на всем готовом, — рассуждала она, — в тепле и уюте, а я еще должна и слуг нанимать, деньги платить? Чем же тогда будут заниматься эти две бездельницы? Нет, так не пойдет», — в один миг решила тетушка и уволила всех слуг.

Сестры вроде бы справлялись, но Луна... Луна была на редкость мечтательной девочкой. Она могла засидеться в укромном уголке сада, наблюдая, как распускается цветок. Или замечаться, глядя на облака. И при этом напрочь забыть о своих обязанностях.

Она обожала разговаривать с растениями и придумывать им имена, веря, что в каждом цветке есть душа.

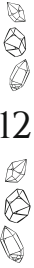
Играя и фантазируя, Луна, иногда и вовсе прямо во время уборки, забывала о том, что делает, и ноги сами несли ее на улицу, в любимый сад. А дело так и оставалось неоконченным. Позабывтая тряпка валялась на полу, пока ее не находили. В лучшем случае Анита, бежавшая по своим делам, в худшем — Стефан, который тут же ябедничал матери, ну или сама Мари. Уж тогда-то Луне доставалось по полной, наказание было суровым и незамедлительным. Девочка приговаривалась к недельному дежурству на кухне, а в остальное время к заточению в комнате. Выход в сад или библиотеку запрещался до окончания наказания.

Анита как могла прикрывала Луну от тети, но за многочисленными хлопотами ей не всегда это удавалось.

Любой день, даже выходной или праздник, начинался для двух сирот одинаково.

Просыпаясь рано утром, они должны были приготовить завтрак для всех домочадцев. Помимо тети Мари, ее мужа Руперта и сына Стефана в доме жили еще престарелые бабушка Фифи и дедушка Бу, родители Мари, обладавшие таким же сварливым характером, как и их дочь. Они доставляли девочкам даже больше хлопот, чем остальные члены семьи.

Каждый на завтрак предпочитал нечто особенное.

12

Бабушка требовала мягкий манный пудинг со сливовым или ежевичным джемом. Другое варенье она не признавала, и девочкам частенько приходилось отмывать синие пальцы от ежевики. Дедушка обожал молочную кашу со свежими булочками с корицей. Булочки должны были быть пышными и горячими, а каша теплой и жидкой, без единого комочка. Мари и Руперт обычно завтракали одинаково. Они страстно любили яичницу, огромную, как луна, с хрустящим беконом и помидорами. К яичнице полагалось подавать две большие кружки кофе с молоком. Ну а Стефан, сам круглый, как пончик, всей душой обожал выпечку. Всевозможные блинчики, оладушки, пироги — непременно с пылу с жару и обязательно с каким-нибудь вареньем. В отличие от бабушки Фифи, он не высказывал никаких предпочтений по поводу варенья. Годилось любое, лишь бы очень сладкое.

Первым по утрам раздавался скрипучий голос дедушки Бу:

— Эй вы там! Где моя еда?!

На самом деле его звали, конечно же, не Бу, да и бабушка была не Фифи. Но никто уже и не помнил толком, как их звали по-настоящему.

Свои прозвища они получили от Стефана. Бабушка и дедушка не любили его с самого рождения.

Эгоистичные и сварливые, больше всего на свете они ценили свой комфорт и тишину. И страшно ревновали Мари, которая теперь занималась только сыном, а на их капризы не обращала внимания.

Поэтому стоило только Стефану случайно забежать к ним в комнату, как дедушка корчил страшную гримасу и громко вопил: «Бу-у-у-у!!!», до слез пугая ребенка.

Бабушка же при виде мальчика морщилась и брезгливо тянула:

— Фи-фи-фи... Мари — скорей сюда, забери его, кажется, он испортил воздух.

Стефан так и стал их звать — дедушка Бу и бабушка Фифи. А за ним — остальные домочадцы. Потом старики и сами привыкли и спокойно откликались на новые имена.

— Анита, Луна, быстрее! Что вы там копаетесь? Хотите, чтоб я умер с голоду? Нет, они точно решили меня уморить! — не унимался дедушка Бу.

«Началось, — думала Анита. — Ну, доброго всем утра и, конечно же, отличного настроения», — и, подбрав юбки, мчалась на кухню.

Сначала они с Луной готовили завтрак самым старшим членам семьи.

Водрузив на поднос кашу и пудинг, соусник со сливками, корзинку с булочками, растопленное масло в блюде и две кружки чая, Анита, с ловкостью

жонглера балансируя на узкой лестнице, взлетала на второй этаж. Стоило ей зайти в комнату, как начинались традиционные придирки. То каша холодная, то в пудинге комочки, то булочки не сладкие, а чай похож на жидкие помои или запаренную солому из коровника.

В это время просыпались дядюшка Руперт и тетушка Мари.

Аните бы бежать на кухню, но бабушка цеплялась как клещ за ее передник и заставляла выслушивать бесконечные жалобы и упреки. Дедушка не отставал и бубнил с ней в унисон. А жалоб у них было очень много. Они считали, что в этом доме их никто не любит, — и не ошибались. А еще — что все хотят их уморить. Это, конечно, было уже преувеличение. Хоть и небольшое.

За своим рационом и режимом питания бабушка и дедушка следили с тщательностью и дотошностью врачей. Они постоянно измеряли свои порции и считали кусочки хлеба и конфеты. Если, по их мнению, им чего-то не доложили, в доме начиналась самая настоящая буря. С причитаниями, руганью и проклятиями, которые сменялись проливным дождем слез и жалоб. Поэтому Анита, наоборот, старалась принести им намного больше, чем бабушка с дедушкой могли съесть. Прижимистая Мари не спорила. Она тоже не выносила скандалы с родителями. Ведь они были единственными во всем доме, кто совсем

не считался с ее авторитетом. Не желая ронять свое достоинство в глазах мужа и сына, она мирилась с нерациональным использованием продуктов. Правда, с большим трудом.

Кое-как оторвав сухую руку бабушки от своего фартука, пятясь задом и бормоча извинения, Анита летела на кухню, сопровождаемая визгливой бранью тетушки Мари.

«Ну поехали, дурдом — часть вторая», — думала она, собирая второй поднос.

В это время Луна жарила яичницу на сковороде, чьи размеры поражали воображение. Здесь тоже существовало великое множество правил. Желтки обязательно должны быть целыми и жидкими, бекон следовало нарезать тонкими ломтиками, а помидор обязательно обдать кипятком, чтобы снять с него кожицу. Не забывая бдительно следить за яичницей, девочки ловко нарезали бекон, помидоры, чтобы добавить их в сковороду. Готовая яичница присыпалась сверху свежей зеленью. Налив две кружки кофе, разложив все по тарелкам, Анита вновь неслась на второй этаж.

Обычно тетушка уже стояла на пороге, багровая от гнева, а дядюшка Руперт, попыхивая трубкой, сквозь зубы ронял укоризненное «м-да».

При подаче второго завтрака сцена повторялась точь-в-точь как и в соседней комнате. Иногда Аните чудилось, что она слышит одни и те же фразы.

По крайней мере, произносились они одинаково недовольным тоном.

— Яичница невкусная, недосолена или пересолена, кофе горчит или слишком слабый, бекон не хрустит...

Придирам не было конца.

Из-за скверного нрава домочадцев, а также из-за вспыльчивости Луны, обострившейся в подростковом возрасте, Анита предпочитала сама разносить завтраки по комнатам. Она боялась, что у Луны не хватит терпения выслушивать вечные упреки и однажды чья-нибудь каша или яичница окажется у кого-то за шиворотом. Поэтому, пока младшая сестра присматривала за готовкой на кухне, старшая, как оглашенная, бегала с этажа на этаж. В общем, день только начинался, а у нее уже не оставалось никаких сил. А ведь еще предстояло готовить завтрак Стефану.

Стефан был, собственно, неплохим. На год старше Луны, долговязый, но неповоротливый и рыхлый из-за любви к булочкам и пончикам, которыми матушка потчевала его с утра до вечера. По природе своей незлой, Стефан, ежедневно наблюдая, как капризничают и бранятся взрослые, невольно копировал их вечно недовольный тон. Уже будучи довольно большим, он мог бы и сам приходить на кухню за завтраком. Но, подражая родителям, не вставал с кровати до тех пор, пока ему не сунут порцию утренних оладий прямо под нос.

Так и произошло в это злосчастное утро. Стефан, проснувшись еще на рассвете, упрямо лежал под одеялом в ожидании завтрака. А Анита сильно задерживалась. Она имела неосторожность вежливо поинтересоваться у бабушки Фифи, понравился ли той завтрак. В ответ на нее обрушилось целое извержение претензий, и девушка никак не могла вырваться из комнаты. Милая старушка бушевала больше получаса. «Пудинг как студень, водянистый, верно, молока пожалели... Джем не сладкий, конечно, для бабушки собрали самую кислую ежевику, сладкую, поди, сами слопали... А это разве чай? Где вы видели такой чай? Думаете, раз бабушка старенькая, она ничего не соображает и ей можно подавать испитый чай... Конечно, никому нет дела до несчастной старой женщины...»

Анита никак не могла остановить этот бесконечный поток претензий. Поэтому попросила пробежавшую мимо Луну разбудить Стефана и отнести ему завтрак.

И надо же такому случиться. Завтрак остался на подносе, а сама Луна куда-то пропала. Лентяй, провалявшись в кровати до последнего, спохватился и стал быстро собираться в школу. Идти до нее было минут тридцать, а на велосипеде — совсем чуть-чуть. Но из-за полноты Стефан не мог взгромоздиться на велосипед и вынужден был ходить пешком. Так что ни о каком позднем завтраке не могло

быть и речи. Стефану пришлось поспешно одеваться и бежать в школу, где за опоздание могли сурово наказать. Но вся эта спешка не помешала ему пожаловаться матери, которая тут же начала оглашать гневными воплями всю округу. Хорошо хоть дом стоял далеко от соседей, иначе тем бы пришлось несладко. И все это случилось именно в тот день, когда Анита хотела тайно приготовить небольшой пирог и вечером устроить Луне тихий и скромный день рождения. Подарок, заботливо вышитая лента для волос, уже был упакован в крохотную коробочку, украшенную бантом. Вместо этого им обеим теперь предстояло отрабатывать наказание, которое обязательно придумает изобретательная тетушка.

Горестно вздохнув, девушка заторопилась на кухню, чтобы сделать бутерброды для Стефана.

Луна заткнула уши. Из глубины дома доносились истерические вопли тетушки.

— Ничего не слышу, ничего не вижу. Надоело! Почему я должна быть служанкой у этого толстого противного задаваки? — бубнила она себе под нос. — Пусть сам встает и идет на кухню. Мало того что мы с утра как белки в колесе крутимся, готовим еду на всю эту ораву, так еще ему и завтрак носить. Не дождется! Посидит пару раз голодным — научится сам приходить! Даром такая дылда выросла!

Луна злилась, но в глубине души ее мучила совесть. Ведь она огорчила Аниту.

— И вообще, могу я хотя бы в свой день рождения не видеть его недовольную физиономию? Это было бы для меня лучшим подарком! Я и так терплю его целых тринадцать лет.

Луна встала с колен и медленно побрела по саду. Ненадолго задержалась у огромного куста дейции*, возле которого так любила мечтать. Огромные нежно-розовые цветы, похожие на собранные в кисточки миниатюрные колокольчики, уже облетели, но растение все равно сохраняло свою королевскую красоту.

Сад тетушки Мари, ее гордость и страстное увлечение, был необычайно красив, что составляло резкий контраст с запущенным домом. Прогнав всех слуг и свалив всю домашнюю работу на сирот, она тем не менее оставила двух садовников, которые без усталости ухаживали, подрезали, сажали и поливали.

Рядом с гостьей из Азии — красавицей дейцией — росла японская айва, усыпанная крупными желтыми плодами, напоминающими яблоки. Анита варила из них желе и компоты, которые обожала вся семья. Трогательный вереск с мелкими розовыми цветами соседствовал с суровым и одновременно нежным

---

* Дейция — невысокий кустарник с цветами, похожими на кружево.

горным рододендроном. Возле них благоухала белая гортензия. В саду можно было встретить и множество других экзотических деревьев и кустарников, привезенных со всего мира. Лишь здесь Луна находила успокоение и отдых от домашних хлопот и переживаний. И не только она. В этом волшебном саду все становились чуточку добрее. Даже тетушка, будучи в крайне дурном настроении, выходя в сад и вдыхая его чарующие ароматы, менялась прямо на глазах. Лицо ее светлело, брови больше не хмурились, морщины на лбу разглаживались, а упрямо сжатый рот кривился в подобие улыбки. Пожалуй, с такой нежностью она смотрела лишь на своего сына.

В отличие от сада, дом производил гнетущее впечатление. Он был совсем крохотным: два этажа, небольшой балкончик, мансарда и высокое крыльцо. Когда-то это все выглядело даже уютно, точно кукольный домик. Но со временем краска на фасаде из голубой стала грязно-серой, с дождевыми потеками на стенах. Черепица кое-где отвалилась, из-за чего крыша постоянно протекала, и девочки во время дождя постоянно бегали с тряпками и ведрами. Входная дверь отчаянно скрипела и нуждалась в починке, как и пошатнувшийся забор. На балкончике был свален в кучу всякий хлам, что тоже не добавляло дому красоты.

На первом этаже находилась маленькая гостиная с пианино, столовая и кухня. На втором — четыре

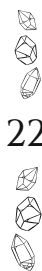
спальни. Одна для гостей, которых здесь никогда не бывало, остальные — для членов семьи. Анита и Луна жили в крохотной мансарде, по соседству с чердаком, не менее захламленным, чем балкон.

И все же благодаря их ежедневным усилиям внутри дом выглядел менее печально, чем снаружи. Чисто вымытые окна, свежие занавески, множество подушечек, которые по вечерам украшала вышивкой Анита, придавали ему более-менее уютный вид. Пледы прикрывали старую мебель, красивые скатерти украшали колченогие столы.

Главной достопримечательностью дома были огромные старинные часы с боем, с которыми любил возиться Стефан. Часы украшала изящная резьба в виде причудливых райских птиц, сказочных деревьев и цветов, проработанных до мельчайшего листика. Стефан мог долго полировать, вытирать, натирать воском и подводить стрелки. Правда, кроме возни с часами, Стефан ничего не делал по дому.

Дядюшка Руперт тоже никогда не занимался хозяйством. Он был слишком занят мечтами. Дядюшка мечтал, что станет правителем какой-нибудь огромной страны, а лучше — всего мира. Мечтал о подвигах и славе, о всеобщем поклонении и обожаении, о сверхспособностях и удивительных талантах. Он вообще считал себя самым умным человеком на свете, который по ошибке попал в этот унылый

и совершенно недостойный его дом. Поскольку мечты не спешили сбываться, с годами дядюшка приобрел скверный характер и огромный живот. Единственным, что он делал по дому, были пространственные разговоры о ремонте. Дядюшка любил выйти на крыльцо с кружкой кофе и неизменной трубкой и разразиться получасовой речью о том, как тут надо все исправить. Однако дальше разговоров дело не шло. Дом старел, ветшал и становился все более унылым. Как и его хозяева.

Про дедушку с бабушкой и говорить нечего. Каждый из них интересовался только собственной персоной. А еще вкусной едой. Если бы вдруг из дома все исчезли, Бу и Фифи заметили бы это лишь тогда, когда им не принесли поесть.

Только Луна, забывшись, могла иногда веселой песней или смехом оживить дом. Но, становясь старше, она как будто поддавалась отчаянию этих мрачных стен, и желание смеяться посещало ее все реже. Не говоря уж о песнях.

